

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ
Социальная структура, социальные институты и процессы.
Политическая социология
CHANGING SOCIETY
Social Structure, Social Institutions and Processes. Political Sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 1:304.5

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-122-142](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-122-142)

Формирование и эволюция институциональной матрицы Японии как пример институциональной гибридизации

Павел Александрович Барахвостов✉

Белорусский государственный экономический университет, Минск,
Белоруссия
barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Аннотация. Экономические, политические и социальные трансформации последних десятилетий в различных странах мира актуализировали исследования генезиса и эволюции институциональной среды общественной системы, что неразрывно связано с проблемой осмысления особенностей и направленности исторического процесса. Одним из интересных кейсов является Япония, где слились институты как «западного», так и «незападного» типа. Цель исследования – попытка философского осмысления японской истории, выявления ее наиболее общих трендов и их причин, определяющих особенности современного и в значительной степени будущего развития Японии. Методологической основой исследования является институциональный подход, дополненный теорией институциональных матриц (ИМ), в соответствии с которой сущностные черты общественной системы определяются ее институциональной матрицей, образованной базовыми институтами альтернативных типов (редистрибутивными и рыночными), сосуществующими на условиях доминантности / комплементарности и регулируемыми взаимосвязанными

и взаимозависимые подсистемы общества (экономическую, политическую, социокультурную). Показано, что в отличие от других стран с выраженным типом доминирования институтов в ИМ Японии обладает институциональной матрицей гибридного типа, что обусловлено особенностями формирования ее общественной системы: нахождением социальной общности в условиях фронтальной колонизации и оторванности от «корневой» социальной системы, частью которой она являлась ранее. Гибридизация институтов на стадии формирования общественной системы предопределила специфику развития страны, что проиллюстрировано в ходе анализа широкого временного среза японской истории. В частности, показано, что при трансплантации институтов извне в институциональную среду Японии они приобретали отдельные элементы альтернативного типа. Продemonстрировано сохранение институциональной амбивалентности Японии (отсутствие выраженного доминирования институтов определенного типа в институциональной матрице) до настоящего времени. Гибридизация институтов, обусловленная особенностями генезиса институциональной матрицы, обеспечивает восприятие институциональных инноваций и устойчивость развития Японии.

Ключевые слова: институциональная матрица, редистрибутивные институты, рыночные институты, экономические институты, политические институты, социокультурные институты, общественная система Японии

Для цитирования: Барахвостов П.А. Формирование и эволюция институциональной матрицы Японии как пример институциональной гибридизации // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 122-142, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-122-142](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-122-142)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-122-142](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-122-142)

The Formation and Evolution of Japan's Institutional Matrix as a Case of Institutional Hybridization

Pavel A. Barakhvostov✉

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus
barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Abstract. Economic, political and social transformations in various countries in recent decades have contributed to the relevance of studying the genesis and evolution of the institutional environment of social systems, and, consequently, the problem of features and directions of historical process. A case of particular interest is Japan, where institutions of both “Western” and “non-Western” types have been historically intertwined. The aim of this paper is to attempt a philosophical understanding of Japanese history by identifying its general trends and causes. The methodological basis of this study is the institutional approach, supplemented by the theory of institutional matrices (IM). According to this

theory, the essential features of a social system are determined by its institutional matrix, formed by basic institutions of redistributive and market types coexisting under conditions of dominance-complementarity and regulating interconnected economic, political and socio-cultural subsystems of society. It is shown that Japan, unlike other countries, is characterized by a hybrid institutional matrix due to the peculiarities of its formation as a social community in the context of frontier colonization and isolation from its "root" social system. Hybridization of institutions during the formation of the social system predetermines the specifics of Japan's development, which can be illustrated over a wide period of time. In particular, it was shown that when institutions were transplanted from outside into Japan's institutional environment, they acquired certain elements of an alternative type. The preservation of Japan's institutional ambivalence (the lack of a clear dominance of either redistributive or market-based institutions in economic, political and socio-cultural spheres) has been shown to be maintained up to the present day.

Keywords: institutional matrix, redistributive institutions, market institutions, economic institutions, political institutions, sociocultural institutions, Japan's social system

For citation: Barakhvostov P.A. The Formation and Evolution of Japan's Institutional Matrix as a Case of Institutional Hybridization. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2025; 3(17): 122-142, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3\(17\)-122-142](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-3(17)-122-142)

Введение

В течение последних десятилетий различные страны и регионы мира переживают процесс глубинных экономических и политических трансформаций. В этой связи приобретает особый интерес изучение проблем генезиса и эволюции институциональной среды социальных систем. Институциональный подход, незаменимый в подобного рода исследованиях, может быть дополнен теорией институциональных матриц (ИМ) [9], рассматривающей общественную систему как целостную совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых подсистем (экономической, политической и социокультурной), которые администрируются сложной системой институтов, определяемых в широком смысле как «правила игры, определяющие направленность социальных действий» [34]. Среди них можно выделить базовые институты – «исторические инварианты, которые позволяют обществу выживать, сохранять свою целостность и развиваться в данной ему материальной среде» [9, с. 56]. Система таких институтов образует институциональную матрицу.

Выделяют базовые институты двух типов: редистрибутивные и рыночные [9]. Базовыми редистрибутивными институтами являются: общественная собственность; редистрибуция, или перераспределение ресурсов и продуктов производства с задействованием центра; централизация политического устройства (выраженное доминирование вертикальной политической коммуникации над горизонтальной); иерархическая система управления; коммунитарное мировоззрение; эгалитаризм. Базовые рыночные институты: частная собственность; отношения купли-продажи; наемный труд; федеративное политическое устройство, предполагающее превалирование горизонтального взаимодействия центров принятия решений; индивидуалистское мировоззрение. Базовые институты этих двух типов не

существуют по отдельности – в полном соответствии с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей, они одновременно сосуществуют в институциональной матрице, становясь в ней либо доминантными, либо комплементарными [9, с. 74]. Институциональные матрицы с доминирующими редистрибутивными институтами характеризуют как матрицы Х-типа (также встречаются наименования «азиатские» или «незападные»), с доминирующими рыночными институтами – как матрицы Y-типа («западные»).

Генезис и эволюция институциональных матриц находятся в фокусе большого количества научных публикаций (см., например, [3; 27-29; 35]). Однако акцент этих исследований в основном делается на западных странах, в то время как незападные страны рассматриваются преимущественно с использованием сравнительного институционального подхода в контексте наиболее общих отличий их институциональных матриц от Y-типа [4; 10; 25]. Мало работ посвящено философскому осмыслению исторического прошлого незападных стран, определившего особенности их современного развития, еще меньше исследований использует для этой цели институциональный подход, рассматривающий все подсистемы общества (экономическую, политическую и социокультурную) не по отдельности, а в их диалектическом единстве. В этом контексте заслуживает неперенного упоминания концепция гидравлического общества К.Виттфогеля [38], посредством которой осуществлена попытка объяснения «азиатского способа производства» (в марксистской терминологии), или, иначе говоря, специфики институциональной среды классических восточных государств (например, Китая). Однако при всех достоинствах указанной концепции ее критиками сразу отмечалась некоторая слабость и неубедительность аргументов, выдвинутых Виттфогелем относительно одной из азиатских стран – Японии [36].

Единственная азиатская страна «Большой семерки», лидер экономико-политической модернизации в Азии в Новое время, Япония демонстрирует слияние рыночных и редистрибутивных институтов в весьма своеобразных формах, что заставляет задуматься о факторах, определивших такую траекторию развития, и – более глобально – о том, как и почему одни институты приживаются в процессе имплементации, а другие нет. В настоящей работе будут детально рассмотрены эти вопросы, а также будет показано, что теория институциональных матриц хорошо применима для анализа сложных институциональных трансформаций в кейсах, где она дополняет классические подходы, не дававшие всю полноту картины в своем объяснении.

Материалы и методы

Исследование базируется на постмарксистской методологии. В ее основе – институциональный подход, согласно которому социальная система есть целостная структура, состоящая из взаимосвязанных и взаимозависимых подсистем

(экономической, политической и социокультурной), регулируемая сложной системой институтов, дополненный теорией институциональных матриц, в соответствии с которой сущностные характеристики социальной системы и характер ее эволюции определяются институциональной матрицей, образованной базовыми (ключевыми) институтами.

Результаты исследования

Рассмотрим, в каких условиях зарождалась общественная система и, следовательно, институциональная матрица Японии. Формирование социума, населяющего Японские острова, осуществлялось в результате тесного взаимодействия различных этнических компонентов, из которых наиболее существенную роль играли переселенцы из Китая и с Корейского полуострова. Одним из главных видов их хозяйственной деятельности было выращивание риса [15, с. 225]. Его возделывание является весьма трудоемким процессом, требует коллективного труда и мощных ирригационных систем, что обуславливает превалирование системы координации общественной деятельности редистрибутивного типа (формирование базовых институтов редистрибутивного типа). Однако переселенцы, бывшие прежде частью таких обществ и, соответственно, носителями характерных для них базовых институтов, оказались в принципиально других условиях – условиях фронтальной колонизации. Фронт представляет собой особое географическое пространство, характеризующееся не только пониженной плотностью населения, но и «взаимопроникновением и противоречивым сочетанием различных культурно-цивилизационных практик, территорию встречи и контактов различных культур и цивилизаций» [12, с. 194], «размытую область переменной ширины» [37] с признаками культурной мозаичности и «неустойчивого равновесия» [7, с. 82], особыми социальными условиями, связанными со спецификой Японского архипелага, служившего «конечным пунктом дрейфа различных культур и народов» [14]. Переселенцам необходимо было отвоевывать пространство у природы и автохтонного населения, в том числе эмиси, айнов и др. Проживая на севере Японского архипелага, данные народы создали свой уникальный мир, отличный от того, что было характерно для переселенцев-колонизаторов. В геополитическом смысле автохтонные жители были более подвержены формирующему влиянию моря, нежели суши [6], и, соответственно, здесь формировались характерные для них институты рыночного типа. Основные сферы их хозяйственной деятельности: собирательство, рыболовство и охота. Автохтонное население «было включено в товарообмен между этносами, населявшими берега севера Тихого океана и Охотского моря, северо-востока Китая и дельты Амура» [23, с. 165].

В отличие, например, от русского фронта, где процесс колонизации был неразрывно связан с Российским государством [2], борьба с природными условиями и

автохтонным населением, отвоевывание у них острова за островом и, следовательно, движение фронта осуществлялись в уникальных условиях оторванности, изолированности колонизаторов от корневого социума, частью которого они являлись прежде. Диффузия институтов рыночного типа вследствие контакта с автохтонным населением и принципиально новые географические условия, в которых оказались переселенцы, обусловили разложение принесенных ими редистрибутивных институтов.

В силу географических особенностей в Японии в период Яёй сформировались «три территориально близкие, но отличные по природным условиям зоны, на основе которых оформились три экономико-культурных комплекса: морской, с процветанием рыболовства и выпаривания соли; равнинный с доминированием имплементированного с континента заливного рисоводства; и горный, где, как в незапамятной древности, развивались охота, собирательство и лесоводство» [15, с. 228]. Приблизженность этих комплексов в условиях островной жизни предопределила необходимость интенсивных процессов обмена, в том числе товарного, т.е. развития экономических рыночных институтов. Археологические данные свидетельствуют о развитии торговли в период Яёй, когда вследствие инноваций в сельском хозяйстве возникли излишки, позволившие более широко обмениваться рисом, металлическими инструментами и другими товарами. При этом всё большее значение стали приобретать торговые пути вдоль рек и побережья [33].

С другой стороны, география Японского архипелага способствовала «выраженной изолированности регионов друг от друга» [15, с. 228]. Японские реки, отличающиеся небольшой протяженностью и высокой скоростью течения, берут начало в горах и текут в широтном направлении, что препятствовало их использованию в качестве путей сообщения между провинциями. Кроме того, обилие гор способствовало изолированности жизни отдельных небольших сообществ (деревень) вследствие муссонных снегопадов. Более того, архипелаг представляет собой гряду островов, некоторые из которых вели вполне независимое существование достаточно продолжительное время. Всё это требовало децентрализации системы управления (дрейфа в сторону политических рыночных институтов).

Вместе с тем высокая сейсмическая активность, как следствие, разрушительные и непредсказуемые тайфуны, цунами, а также вызванные муссонными дождями смертельные грязевые лавины¹ требовали такую систему управления, которая бы быстро и эффективно мобилизовала население для коллективной деятельности по препятствованию природным катаклизмам и ликвидации их последствий и, кроме того, выполняла бы сбор-аккумуляцию-распределение экономического продукта для снижения последствий неурожаев, случающихся по вине природных катаклизмов.

¹ Географические факторы Японии способствовали созданию особой культуры «тайфунного типа»: «Она постоянно претерпевает натиск штормов и ударов природных катаклизмов. Однако лишь только тайфун стихает, тьма рассеивается, вновь появляется солнце, и японцы, напоминая муравьев, берутся всем миром за обыденные труды, будто никаких встрясок не случилось» [24, с. 57].

Таким образом, существовала также объективная потребность в сохранении редистрибутивных институтов.

Подобный дуализм общества, требовавшего активного задействования двух механизмов координации общественной деятельности – как рыночного (опирающегося на индивидуума, его личную инициативу), так и редистрибутивного (опирающегося на организованную, властную иерархическую структуру), определил специфику Японии – институциональную гибридизацию, которая проявлялась во всех сферах. В частности, построение первого японского государства Ямато осуществлено на основе объединения, но по «конфедеративному» принципу. «Эта модель предполагает, что общество было скорее свободной конфедерацией различных государств с различной степенью сложности, объединенных одним кланом, который был сильнее других. При этом пути, по которому различные союзы объединялись и были связаны с центром, в разных районах отличались друг от друга» [11, с. 49].

Возникнув на стадии формирования социума, институциональные гибриды, отвечающие оптимальному состоянию институциональной матрицы, стали уникальной особенностью Японии, сохраняющейся в ходе последующего развития вследствие эффекта «социальной памяти» (path dependence).

На протяжении столетий страна испытывала сильное институциональное воздействие соседнего Китая, но при имплементации институтов «соседки» (как правило, редистрибутивных) наблюдались в конечном итоге либо их отторжение, либо (в более «мягком» варианте) гибридизация. Рассмотрим данное явление на конкретных примерах.

Возьмем письменность. Возникновение иероглифической письменности не случайно: в регионах Китая диалекты настолько различаются, что их жители могут просто не понять друг друга; письменность же, в основу которой положены не звуки, а символы, способствует коммуникации и, следовательно, является необходимой для объединения империи. В то же время для изучения китайских иероглифов необходимы значительные время и усилия, поскольку, в отличие от слоговой или буквенной записи, иероглифическая система письма имеет гораздо больше символов, что значительно затрудняет ее изучение и требует усиления вмешательства государства в процесс обучения: выделения государством социальной страты и обеспечения ей условий для такого рода занятий. Таким образом, китайская письменность, по сути, является редистрибутивным институтом. У японцев же вскоре после появления иероглифов (кандзи) появилось два слоговых алфавита (хирагана и катакана), которые использовались не только для передачи особенностей японской грамматики, таких как изменяемые части глаголов, но и в качестве фонетических подсказок (фуригана) к иероглифам. Иными словами, человек, вообще не знающий написание иероглифа, теперь смог узнать его значение, что обусловило индивидуацию образовательного процесса – выделение личности из социума при получении знаний, представляющую собой, по сути, институциональную гибридизацию в сторону рыночности.

Извне на Японские острова проникла также централизованная модель правления по китайскому образцу (редистрибутивный политический институт).

Начало ее имплементации было положено Конституцией из 17 статей², включавшей основанные на буддизме и конфуцианстве моральные нормы правящего класса. Основной упор делался на: китайские конфуцианские концепции единого государства, управляемого одним сувереном; наем чиновников на основе заслуг, а не наследственности; обязанности чиновников перед управляемыми и повиновение подданных своим правителям; идеальную бюрократию, действия которой основаны на конфуцианских добродетелях справедливости, приличия и усердия.

Оформление централизованной системы правления с императором в качестве абсолютного монарха началось по Манифесту Тайка 646 г.³, в соответствии с которым была отменена частная собственность на землю. Земля вместе с проживающими на ней людьми провозглашалась собственностью государства в лице императора и должна была быть распределена между всеми, кто достиг определенного возраста, с правом возделывания, арендаторы должны были платить фиксированный налог. «Император там являлся собственником всех имуществ» [17].

Кроме того, японцами была предпринята попытка трансплантации китайского права, в результате чего возникла система рицурё. Однако при ее анализе наблюдается гибридизация имплементированных редистрибутивных институтов. В частности, центральное правительство возглавлялось не одним, а двумя управлениями: Палатой большого государственного совета (Дадзёкан), осуществляющей различные практические функции управления, и Палатой небесных и земных божеств (Дзингикан), ведавшей делами синто, религиозными ритуалами, священничеством и святилищами, параллельной бюрократической структурой для поклонения божествам. Кроме того, система рицурё не предусматривала особые льготы мужчинам высокого ранга из хорошей семьи. Системой не предусматривалось запрета (и достаточно долго это просуществовало) на переход из сословия в сословие, что не встречается в обществах с институциональной матрицей Х-типа. Так, объединитель страны Тоётоми Хидэёси был крестьянином, возведенным в XVI в. в ранг самурая по совокупности заслуг и талантов.

В соответствии с системой рицурё общество делилось на два основных класса: свободных и рабов. Рабы, которые являлись собственностью правительства, аристократии, святилищ и храмов, составляли, однако, менее одной десятой населения. Большинство свободного населения были крестьянами. В возрасте шести лет каждому мальчику выделялись рисовые поля, которые оставались в его пожизненном владении. Налог взимался с урожая риса (около 5% урожая), а на взрослых мужчин, кроме того, налагался подушный налог, уплачиваемый ремесленными изделиями (шелк, пенька) [31, р. 18]. Примечательно, что социальной единицей налогообложения являлась крестьянская община. Однако наряду с

² The Constitution of Prince Shōtoku. URL: <https://afe.easia.columbia.edu/ps/japan/shotoku.pdf>.

³ Манифест Тайка. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VII/640-660/Manifest_Taika/frameset.htm.

чертами, которые характеризуют общину как редистрибутивный институт (система круговой поруки и взаимопомощи, запрет для своих членов на продажу надела и уход с места проживания), в качестве основного принципа ее функционирования была установлена коллегиальная система принятия решений, что свидетельствует о наличии в этом институте элементов рыночности.

Условия фронтирной колонизации, словно киркой, дробили редистрибутивные институты. В частности, освоенные целинные земли при условии создания новой или использования старой ирригационной системы могли быть переданы из государственного фонда в частную собственность соответственно пожизненно или на три поколения. В середине VIII в. возникают поместья (частная собственность феодальной знати и буддистских монастырей). Стимулировал данный процесс указ 743 г. о вечном владении освоенной целиной.

Становление крепкого частного сектора вне государственного контроля начало разрушать принцип государственной собственности на землю, предусмотренный в системе рицурё, и пошатнуло позиции императора. Стабилизировать институциональную матрицу можно было двумя путями: усилив редистрибутивные институты (ужесточив контроль за распределением земель и налогообложением) либо опять-таки гибридизировав их (например, открытием «клапана» социальной мобильности путем гибридизации иерархической системы правления (политического института редистрибутивного типа) рыночными элементами, когда во властную вертикаль на основе конкуренции рекрутируются те, кто обладает высокой образованностью или буддистскими знаниями, попытки чего и были сделаны в эпоху Нара).

Эпоха Хэйан принесла новые институты в политическую сферу Японии, в частности институт регентства, что предполагало усиление одного клана (Фудзивара), члены которого занимали высочайшую должность регента при несовершеннолетнем императоре-ребенке и, соответственно, владели монополией на высокие государственные должности, ослабляя императорскую власть. В этот период шла активная институциональная гибридизация: государственная собственность на землю (редистрибутивный институт) сохранилась только по названию; земля перешла в частные руки, что свидетельствует об усилении рыночности в ИМ. Но в то же время аристократия и храмы вокруг столицы пользовались освобождением от налогов на свои частные земли, однако эти привилегии не были доступны могущественным семьям в провинциях. Последние заключали с членами императорской семьи и аристократами договоры, по которым те становились номинальными владельцами, в то время как первые сохраняли права фактических собственников. Возможность осуществления подобных сделок вызвала активный отток аристократов низшего ранга в провинции, где они приобретали собственные земли и устанавливали собственную власть, для защиты которой им была необходима сила – самураи. В условиях роста частного землевладения, слабой контролируемости экономических и политических процессов центральной властью, необходимости борьбы с айнами [21] самурайское военное сословие превратилось в

грозную, независимую, самостоятельную силу [20], что, в конце концов, привело к установлению сёгуната – военного правительства.

Выделяют три сёгунских династии. Первая из них (Минамото) не уничтожила существовавшие до того органы власти во главе с императором, а создала параллельную властную ветвь (военных губернаторов в провинциях и военных администраторов в частных поместьях), целью которой было поддержание работы традиционных органов власти и выполнение полицейских, военных и судебных функций. В ходе правления первого сёгуна имели место постепенный переход всей полноты власти от гражданских органов к военным, а также распространение власти сёгунского правительства (бакуфу) на всю страну. Сёгун обладал широкими правами: он не только отвечал за несение службы, но и подтверждал наследственные права на землю, одаривал новыми землями после военных побед, ходатайствовал перед императором о присуждении почетных титулов, назначал на ключевые должности.

Второй сёгунат, основанный Асикага Такаудзи, в целом унаследовал общее устройство властной системы, однако к тому времени традиционные органы власти во главе с императором существенно ослабли, и важнейшими фигурами стали военные губернаторы провинций. Опорой дома сёгунов Асикага стали другие военные дома, главы которых, пользуясь влиянием в бакуфу, стремились расширить подконтрольные земли и ходатайствовали о должностях военных губернаторов в нескольких смежных провинциях, формируя огромные владения. В результате данного процесса наблюдалось падение авторитета сёгунского правительства, в провинциях развернулась борьба за места глав военных домов, а в стране сложилось множество княжеств – территориальных образований со своим административным аппаратом и законодательством, которые объединяли от нескольких уездов до нескольких провинций и могли вступать в независимые внешние сношения. Во главе княжеств стояли князья – сэнгоку-даймё.

Третий сёгунат, основателем которого явился Токугава Иэясу, принудил всех князей признать себя его вассалами, сохранив при этом за большинством фамильные владения. Правительство сёгуна практически не вмешивалось во внутренние дела княжеств, земли которых не принадлежали дому сёгунов, сфокусировавшись на осуществлении контроля за внешней торговлей, всеми рудниками страны и крупнейшими городами.

Таким образом, по своим сущностным характеристикам сёгунат – политический институт рыночного типа, препятствовавший консолидации светской и религиозной власти в одних руках – руках императора. В западноевропейских странах легитимность власти монарха основывалась на «божественном праве». В Японии император также обладал «божественным правом» править, но, руководствуясь принципом «место Бога в храме», с течением времени он был изолирован, а реальной властью стал обладать сёгун, получивший ее не как ставленник Бога на Земле, но за военные заслуги.

В ходе правления династий сёгунов была построена властная система федеративного типа, включавшая два уровня правительств (первый – центральное правительство во главе с сёгуном, второй – местные в провинциях, обладавшие в

обмен на верность сёгуну определенным уровнем суверенитета). Каждая провинция осуществляла свою независимую экономическую политику и сбор налогов. Верховная же власть отвечала за вопросы безопасности: управление классами, поддержание общего порядка в стране. Большое значение имели городские советы старейшин; в крупных городах, кроме того, была учреждена должность самостоятельного правителя – гундай. Подобное разделение функций и усиление местной власти стимулировали развитие рыночных институтов самоуправления и субсидиарности.

Примечательно, что ни один из сёгунатов официально не упразднил императора. Таким образом, была создана гибридная система управления, состоящая из двух ветвей: императорская вертикаль и сёгунат. Интересно, что их сосуществование привело к взаимной трансформации; в частности, при укреплении власти сёгунов ими начала проводиться политика усиления редистрибутивных институтов. Так, например, в XVII в. сёгуны Токугава провели сословную реформу в соответствии с китайскими легалистскими нормами, предполагавшими, базируясь на конфуцианских принципах, что общество по статусу делится на четыре социальные группы, низшей из которых является купечество. Переход из сословия в сословие был запрещен.

В середине XIX в. возникла угроза колонизации Японии индустриально развитыми западными странами, что обусловило необходимость модернизации и укрепления системы управления. С этой целью был упразднен сёгунат, и власть полностью перешла к императору Мэйдзи. Однако император не был сторонником коренной ломки сложившихся (гибридных) институтов [16], которые соответствовали сбалансированной институциональной матрице, в наибольшей степени отвечавшей интересам развития Японии. Политический курс новой власти был тезисно изложен в так называемой «Клятве Пяти пунктов» 1868 г., где император, в частности, обещал править, считаясь с общественным мнением, и заимствовать познания как у Запада, так и у Востока. Мэйдзи ликвидировал даймё, лишив их власти в провинциях: они стали частью нового сословия кадзоку и были обязаны селиться при императорском дворе. В то же время императором был создан парламент, в верхнюю палату которого вошли наиболее могущественные из них. Кроме того, согласно Указу о государственном устройстве от 17 мая 1868 г., государственная власть была передана Большому государственному совету (Дадзёкан), наделенному законодательными и исполнительными полномочиями. Здесь решения обсуждались и принимались коллегиально, но затем они утверждались императором. Подобная двойственность характерна и для административно-территориальной реформы. На первом этапе реформирования (1868–1871 гг.) были созданы гибридные институты управления, одинаковые для всей Японии: в княжествах вводились органы императорского правительства, утверждаемые центром, как звено между центральной и местной властью. На втором этапе реформа 1871 г., направленная на ослабление социального и экономического «противовеса» императорской ветви власти, упразднила феодальные уделы и наследственные привилегии князей даймё. На третьем этапе

была реорганизована система административно-территориального деления и управления: вместо ликвидированных княжеств возникли имперские владения – префектуры, возглавляемые губернаторами, которые утверждались Дадзёканом [18, с. 198]. Тем не менее в вопросы формирования чиновничества на местах, как правило, центральная власть не вмешивалась. В деревнях и городских кварталах продолжало действовать общинное самоуправление. Впоследствии были учреждены выборные префектуральные и городские собрания. Члены городских собраний избирали мэров из своих рядов.

Другим примером двойственного характера реформ Мэйдзи являются преобразования социальной структуры. Общество отныне делилось на знать (семьи бывших даймё и высшей аристократии), бывших самураев и простолюдинов (к числу последних относилось 90% населения). С одной стороны, простолюдины наделялись правом иметь собственные фамилии, с другой – сохранялись старые феодальные титулы, а потерявшие земельные владения князья и самураи, не ставшие чиновниками, получали пенсии из казны. В этот период на основе наиболее влиятельных купеческих домов эпохи Токугава возникают бизнес-конгломераты дзайбацу [26].

Двойственный характер созданного в результате реформ Мэйдзи строя зафиксирован в Конституции 11.02.1889⁴. В ней отмечен особый статус императора как источника власти, император провозглашался «персоной священной и неприкосновенной», а власть правящей Хризантемовой династии – существующей с начала времен. Вместе с тем Конституция отмечала, что император осуществляет законодательную власть в согласии с имперским парламентом. Император созывал, открывал и закрывал парламент, но императорские указы, изданные между сессиями парламента, должны быть представлены имперскому парламенту и, если имперский парламент их не одобрит, должны быть объявлены правительством недействительными. Император имеет право издавать указы, но они не должны вносить изменения в действующие законы. Император также наделялся правом формировать высший исполнительный орган страны (правительство).

Кроме того, заслуживает внимания такой японский институт, как гэнро (совет старейшин), созданный после ликвидации Императорского совета в 1885 г. и конституционной реформы. Совет гэнро – гибридный по своей сути институт вне рамок политической и правовой системы Японии в эпоху Мэйдзи. В его функции входило: осуществление кадровой политики (назначения на высшие государственные должности не делались без рекомендации гэнро); консультация императора по внешнеполитическим вопросам. Все гэнро, получавшие свой статус пожизненно, имели огромный вес в финансово-промышленных кругах. В то же время гэнро – коллегиальный орган, где решения принимались на основе консенсуса, в соответствии с принципом большинства [8]. Формально на решения гэнро требовалось согласие императора, и они имели рекомендательный характер, однако на практике

⁴ Конституция Японской империи. 11 февраля 1889 г. URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio55/.

подобное одобрение давалось всегда, и эти решения неукоснительно выполнялись исполнительной властью [30].

Подобная гибридность характерна и для экономических институтов эпохи Мэйдзи. Основой экономики Японии в данный период стали бизнес-конгломераты дзайбацу. Так или иначе, с дзайбацу были связаны все гэнро, т.е. дзайбацу обладали огромным влиянием в государстве. Могущество дзайбацу основывалось на принципах, сочетавших в себе как элементы редистрибуции, так и рынка – широко использовались практики перекрестного владения акциями структурных элементов конгломерата, разрешалась определенная автономия функционирования компаний в рамках общей финансовой политики; с другой стороны, многие вопросы решались в рамках неформальных отношений. Отличительной чертой Японии стала исключительная роль государства в деятельности дзайбацу, которое предоставляло необходимый для развития бизнеса капитал, обеспечивало благоприятный налоговый режим, силой закона защищало от иностранных конкурентов [30]. В то же время дзайбацу не искали политической власти, довольствуясь теми льготами и преференциями, которыми в обмен на лояльность щедро одаривало их правительство. Подобные факты свидетельствуют о гибридизации имплементированных в Японии рыночных экономических институтов.

Несмотря на двойственный характер реформ Мэйдзи, их реализация привела к существенному увеличению прослойки национальной торгово-промышленной буржуазии (социальной опоры для усиления рыночных институтов в институциональной матрице), которая стала добиваться усиления своих политических позиций и права влиять на государственную политику, в частности, путем создания и поддержки политических партий – выразителей своих интересов. Имела место трансформация общественного сознания от господства коммунитарного мировоззрения к индивидуализму. Началась эра «демократии Тайсё», главным содержанием которой является переход к правительствам, сформированным господствовавшими в парламенте политическими партиями. Среди наиболее значимых событий периода «демократии Тайсё» следует отметить следующие: «усиление роли нижней палаты парламента; введение в 1925 г. всеобщего избирательного права (для мужчин); формирование первых легальных пролетарских партий; смягчение трудового законодательства; установление первичных форм гражданского контроля над вооруженными силами; сокращение вооружений, в частности расформирование четырех дивизий в 1925 г. и подписание Японией в 1921 и 1930 г. соответственно Вашингтонского и Лондонского договоров по ограничению морских вооружений; постепенный отказ от политики военной экспансии» [13]. Таким образом, в период демократии Тайсё наблюдались попытки трансформации институциональной среды Японии в сторону рыночности.

Однако пришедшие к власти в условиях существующего строя партии не были заинтересованы в изменении сложившихся институтов (сработали так называемые «блокирующие эффекты» (Д.Норт)): не были реформированы Тайный совет при

императоре, палата пэров, не был упразднен институт гэнро; армия и флот не были полностью поставлены под контроль гражданской администрации [13].

1 сентября 1923 г. произошло Великое землетрясение Канто, необходимость ликвидации последствий которого потребовало усиления редистрибутивных институтов для мобилизации населения. Наиболее организованной силой общества еще со времен сёгуната была армия. Именно она была привлечена для проведения спасательных работ и наведения порядка, особенно в связи с межэтническими конфликтами (погромами корейцев). Разразившийся экономический кризис, усугубленный последствиями землетрясения, на фоне предоставления армии огромных полномочий обусловил реанимацию экспансионистских идей и наступление японского милитаризма, что стало возможным в результате существенного усиления в ИМ редистрибутивных институтов. При этом японский милитаризм, в отличие от «классического» (как, например, германского или итальянского) фашизма, представляет собой институциональный гибрид, что проявляется в отсутствии диктатуры императора (либо другого конкретного представителя власти).

Поражение Японии во Второй мировой войне привело к военной оккупации страны союзниками во главе с Д.Макартуром в период 1945–1952 гг. Это было время быстрых институциональных изменений, основанных на трансплантации западных институтов. Среди наиболее важных политических реформ – принятие новой Конституции⁵, провозгласившей, что император более не «священный» или «неприкосновенный», но «символ государства и единства народа». Конституция предусматривала двухпалатный парламент, при этом наибольшая власть была сосредоточена в Палате представителей, члены которой теперь избирались как мужчинами, так и женщинами. Кроме того, в ходе реформ был упразднен Тайный совет. Премьер-министр должен был избираться парламентом из числа его членов, была создана независимая судебная система с правом судебного надзора. Тем не менее и здесь можно найти элементы институциональной гибридизации: в результате реформ были сохранены император (хотя он уже не считался божеством) и императорская семья, но отменены аристократические титулы, что не встречается более нигде в мире. Значительные преобразования имели место и в экономике. В частности, ставшие опорой милитаризма дзайбацу были упразднены, внедрялись рыночные методы хозяйствования.

Однако с течением времени имплементированные рыночные институты претерпели гибридизацию. В частности, основой экономики современной Японии являются финансово-промышленные сети (кэйрэцу), не встречающиеся более нигде в мире [1]. Превалирование сетевых («горизонтальных») связей между субъектами хозяйствования (что характерно для кэйрэцу) – институт рыночного типа. Однако кэйрэцу формируются не с включением многих банков, специализирующихся на выполнении отдельных операций, как это имеет место в США, откуда подобная

⁵ Конституция Японии 1946 г. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2637>.

идея была заимствована, а вокруг одного ключевого банка, который предоставляет своим корпоративным клиентам кредиты и услуги по выпуску облигаций, акций, ведению расчетных счетов и консалтинговые услуги. Как правило, именно банк является главным держателем акций кэйрэцу. Сети кэйрэцу характеризуются общим заемным и акционерным капиталом, торговлей товарами и услугами, а также имеющими огромное значение неформальными деловыми контактами. Совет директоров японских корпораций практически полностью состоит из «внутренних» участников. Таким образом, в структуре и методах управления кэйрэцу широко используются редистрибутивные институты – опора на принцип «общинности».

«Владение и внутреннее управление компаниями остаются в частных руках, в то время как государство устанавливает цели и может оказывать влияние на принятие решений путём выдачи льготных кредитов, предоставления налоговых льгот, государственной поддержки отдельных отраслей» [22, с. 113]. Подобный тип взаимоотношений зародился после Второй мировой войны: США настаивали на ослаблении вмешательства государства в бизнес с целью недопущения милитаризации Японии, однако на восстановление практически полностью разрушенных предприятий у частного бизнеса не было средств, эту задачу могло решить только государство.

Взаимоотношения нанимателя и работника внутри предприятий выстраиваются на основе редистрибутивных институтов: системы «пожизненного найма», которая является своеобразной гарантией занятости; принципов карьерного роста и оплаты труда соответственно выслуге лет в фирме; активного использования как материальных, так и моральных стимулов к труду; использования элементов эгалитаризма при управлении [5]. Данные особенности связаны с влиянием религий (конфуцианства и буддизма) и укоренившимся общинным мировоззрением.

Политические институты, трансплантированные в Японию из США, также демонстрируют элементы гибридизации. В частности, своеобразна процедура принятия политических решений: «сверху» поступает выраженная в общих чертах инициатива, после чего начинается подготовка проекта решения, вырабатываемого в результате согласования между ведомствами. Наличие замечаний в процессе подготовки указывает на проблемы в достижении основанного на консенсусе единогласия, которое является обязательным условием принятия решения, как это имеет место в странах с Х-матрицей. Кроме того, для политической сферы Японии характерны: первичность исполнительной власти по отношению к законодательной (относительная слабость парламента, упор на клиентелизм, слабая межпартийная идеологическая конкуренция, растянутость предвыборной напряженности [19]); фактическое доминирование одной партии; принятие основных кадровых решений в непубличном формате; концентрация политического веса на крупных агрегаторах бизнес-интересов (в силу их спонсорского и лоббистского потенциала), а также на министерских структурах (в силу спаянности кадрового состава и достаточно плотных связей с агрегаторами бизнес-интересов) [19]. Более того, в годы высокого

экономического роста появилась еще одна особенность: правящая политическая партия выполняет особую, не политическую функцию перераспределения национального дохода с целью сглаживания гетерогенности регионального развития, формирования мощного среднего класса, повышения качества жизни, осуществляя тем самым эгалитаристскую политику, что типично для стран с Х-матрицей.

Обсуждение

Таким образом, Япония являет собой пример формирования институциональной матрицы гибридного типа у социальной общности при оторванности от корневого социума и нахождении в условиях фронтальной колонизации. Причиной гибридизации ИМ явилась необходимость одновременного активного задействования двух альтернативных механизмов координации общественной деятельности: рыночного, опирающегося на индивидуума и его личную инициативу, и редистрибутивного, опирающегося на организованную, иерархически выстроенную систему управления. Сложившаяся уникальная институциональная матрица обусловила сущностные характеристики всей институциональной среды, регулирующей функционирование общественной системы.

Вследствие эффекта path dependence институциональная амбивалентность стала особенностью Японии, которая проявлялась на всех этапах развития общества, что продемонстрировано выше, и проявляется в различных сферах до настоящего времени. В социокультурной сфере – это формирование культуры «муссонного типа», сочетающей элементы индивидуализма и коллективизма, первоочередное написание фамилии (кланового имени), а затем имени собственного, что типично для всех обществ с доминированием редистрибутивных институтов; отсутствие четкой грамматической формулировки множественного числа, что, по сути, приводит к размытию границы между индивидуумом и коллективом (проявление редистрибутивности); отсутствие единого слова, обозначающего «я», применимого во всех жизненных ситуациях, как это имеет место, например, в русском или английском, и множественность (вариативность) местоимений, имеющих значение «я», для применения в зависимости от собеседника и контекста [32, р. 55] (проявление рыночности); забота о сохранении индивидуальной свободы и независимости, но обеспечивается и поддерживается она только в социальной изоляции, когда провозглашается социальный мораторий [32, р. 158]. В экономике институциональная амбивалентность проявляется в главенстве рыночных институтов между субъектами хозяйствования и редистрибутивных – внутри них; в политике – в наличии двухпалатного парламента, регулярных выборов (рыночные политические институты) и одновременно своеобразной процедуры принятия политических решений, проведении эгалитаристской политики правящей партией (элементы редистрибуции в политике).

Выводы

Таким образом, в настоящей работе показано, что причина, определяющая особенности исторического развития Японии, – гибридизация институтов на стадии формирования общественной системы вследствие нахождения социальной общности в условиях фронтирной колонизации и оторванности от «корневой» социальной системы, частью которой она являлась ранее. Данная особенность сохранилась и в последующие эпохи: при трансплантации редистрибутивных институтов в японскую институциональную среду они приобретали рыночные элементы, и наоборот. Продemonстрировано сохранение институциональной амбивалентности Японии (отсутствие выраженного доминирования институтов определенного типа в институциональной матрице) до настоящего времени.

Гибридизация институтов, обусловленная особенностями генезиса институциональной матрицы, обеспечивает восприятие институциональных инноваций и устойчивость развития Японии.

Список источников

1. Астахов Е.М., Райнхардт Р.О. Государственная поддержка национального бизнеса на внешних рынках [State Counterfeiting of National Business in Foreign Markets]. Москва: МГИМО-Университет, 2015.
2. Барахвостов П.А. Формирование и эволюция русских фронтиров [Formation and Evolution of Russian Frontiers] // Россия и мир: научный диалог. 2022. Т. 2. № 2. С. 166–177. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-166-177](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-166-177).
3. Бессонова О.Э. Раздаток как нерыночная система [Razdatok as Nonmarket System] // Известия СО РАН. Серия: Регион: экономика и социология. 1993. Вып. 1. С. 29–41.
4. Гуляева О.А. Сравнительный анализ развития института частной собственности в странах Востока и Запада: теория институциональных матриц [Comparative Analysis of the Development of the Institution of Private Property in the Countries of the East and West: The Theory of Institutional Matrices] // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2016. № 1. С. 264–272.
5. Дружинин Н.Л. Дуализм японской экономики и послевоенная система кэйрэцу [Dualism of Japanese Economy and Post-War Keiretsu System] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. 2008. № 2. С. 34–41.
6. Дугин А.Г. Основы геополитики [Foundations of Geopolitics]. М.: Арктогея, 1997.
7. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах [The Development Zone (Frontier) and its Image in American and Russian Cultures] // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 75–88.
8. Кантур Р.А. Институт гэнро в системе органов государственно-политической власти Японии эпохи Мэйдзи [The Institution of Genro in the System of Government Bodies of Japan During the Meiji Era] // Ежегодник Япония. 2015. № 44. С. 253–262.
9. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X–Y-теорию [Institutional Matrices and Development of Russia. Introduction in X-Y Theory]. СПб.: Нестор-История, 2014.
10. Кирдина-Чэндлер С.Г. Западные и незападные институциональные модели во времени и пространстве [Western and Non-Western Institutional Models in Time and Space] // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1(2). С. 73–88. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2018-00005>.
11. Кожевников В.В. Формирование древнего государства в Японии [Formation of an Ancient State in Japan] // Известия Восточного института. 2017. № 4. С. 48–61.
12. Левяш И.Я. Культурное отчуждение и фронтиры: пропасти и мосты [Cultural Alienation and Frontiers: Chasms and Bridges] // Диалог культур в эпоху глобальных рисков / под ред. А.В.Данильченко. Минск: РИВШ, 2016. С. 193–196.

13. Марио Осима (大島真理夫). Образ экономической истории современной Японии и современной Азии: взлет и падение западной модели (近代日-現代アジアの経済史像: 西洋モデルの盛衰) [Image of the Economic History of Modern Japan and Contemporary Asia: the Rise and Fall of the Western Model] // Журнал «Экономика» (経済学雑誌). 2015. Т. 115. № 3. С. 85–108.
14. Мещеряков А.Н. История Японского архипелага как социоестественный и информационный процесс [The History of the Japanese Archipelago as a Socio-Natural and Information Process] // История и современность. 2005. № 1. С. 56–77.
15. Мещеряков А.Н. Некоторые главные особенности японской цивилизационно-культурной модели [Some Main Features of the Japanese Civilizational and Cultural Model] // Известия Восточного института. 2005. № 9. С. 225–242.
16. Мещеряков А.Н. Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение [Meiji Reforms: The Human Dimension] // Ежегодник Япония. 2018. № 47. С. 350–366. <https://doi.org/10.24411/0235-8182-2018-10017>.
17. Монтескье Ш. О духе законов [On the Spirit of Law]. Женева, 1748. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.Odukhe.pdf>.
18. Полохало Ю.Н. Революция Мэйдзи и реформы управления в Японии [Meiji Revolution and government reforms in Japan] // Управленческое консультирование. 2006. № 4. С. 195–205.
19. Семенов В.А. Методика анализа процесса принятия решений в политической системе по методу УАКР [Methodology for Analyzing the Decision-making Process in the Political System Using the. CACI] // Право и политика. 2023. № 8. С. 80–114. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2023.8.43823>.
20. Спесваковский А.Б. Самураи – военное сословие Японии [Samurai are Military Class of Japan]. М.: Наука, 1981.
21. Стрельцов Д.В. Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй [Japan: Political Modernization of the Heisei Era] // Ассоциация исследователей российского общества. 2013. С. 1–280.
22. Такэути Хироши (竹内洋君). В чем источник экономической мощи Японии? Экономическая война в 80-е гг. (日本の経済力の源泉は何でしょうか? 80年代の経済戦争) [What is the source of Japan's economic power? The economic war in the 80s.]. Токио: Тайё: кихаку сёппан (東京: 大洋: 紀博出版), 1981.
23. Фролова Е.Л., Такакура Хироки, Такуда Юкако. Взгляд на историю Японии с точки зрения ее коренных народов: прошлое и настоящее [A Look at Japan's History from the Perspective of Its Indigenous Peoples: Past and Present] // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 7. С. 164–169.
24. Чугров С.В. Переосмысляя доминанта японской политической культуры [Rethinking the Dominant Japanese Political Culture] // Японский феномен глазами российских востоковедов / Под ред. И.П.Лебедевой, А.Н.Мещерякова и Д.В.Стрельцова. М.: Аспект-Пресс, 2018. С. 57–75.
25. Шевченко В.Н. Возвращение Китая на национальный путь развития в эпоху глобализации: значимость и выводы для России [China's Return to the National Path of Development in the Era of Globalization: Significance and Conclusions for Russia] // Век глобализации. 2018. № 3(27). С. 106–119. <https://doi.org/10.30884/vglob/2018.03.10>.
26. Addicott D.A.C. The Rise and Fall of The Zaibatsu: Japan's Industrial and Economic Modernization // Global Tides. 2017. Vol. 11. № 5. URL: <https://digitalcommons.pepperdine.edu/globaltides/vol11/iss1/5>.
27. Ahmad M., Hall S.G. The Growth Effects of Economic and Political Institutions: New Evidence from Spatial Econometrics Analysis Using Historical-Based Institutional Matrix // Economic Change and Restructuring. 2023. Vol. 56. Pp. 749–780. <https://doi.org/10.1007/s10644-022-09440-1>.
28. Barakhvostov P.A. Inheritance Rights in the Formation and Evolution of Institutional Matrices // Mir Rossii. 2022. Vol. 31. № 2. Pp. 163–173. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-163-173>.
29. Bednar J. Modeling the Institutional Matrix: Norms, Culture, and Robust Design // A Research Agenda for New Institutional Economics. 2018. Pp. 162–170.
30. Chung K.H. Business Groups in Japan and Korea: Theoretical Boundaries and Future Direction // International Journal of Political Economy. 2014. Vol. 34. № 3. Pp. 67–98. <https://doi.org/10.1080/08911916.2004.11042925>.
31. Jerzemowska K.M. Was Tax Optimisation Used in Ancient Japan? // Argumenta Oeconomica. 2024. № 2(53). Pp. 14–31. <https://doi.org/10.15611/aoe.2024.2.02>.
32. Lebra T. Japanese Patterns of Behavior. Honolulu: Univ. press of Hawaii, 1976.
33. Mizumura Naoto. Importance of Circum-Japan Sea Trade Networks in the Transition from the Yayoi Period to the Kofun Period // Japanese Journal of Archaeology. 2015. No. 3 Pp. 3–27.
34. North D.C. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5. № 1. Pp. 97–112.

35. Nowakowski K. The Institutional Matrices Theory as the Basis of Explanation of Real Estate Bubble // Managerial Economics. 2013. №14. Pp. 113–135. <http://dx.doi.org/10.7494/manage.2013.14.113>.
36. Price D. Wittfogel's Neglected Hydraulic. Hydroagricultural Distinction // Journal of Anthropological Research. 1994. Vol. 50. № 2. Pp. 187–204.
37. Semple E.C. Influences of Geographic Environment: on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeograph // Nature. 2015. Vol. 88. № 101. Pp. 1911. <https://doi.org/10.1177/000271621204100150>.
38. Wittfogel K.A. Oriental Despotism. Comparative Study of Total Power. New Haven, London, Yale University Press, 1963.

Информация об авторе

БАРАХВОСТОВ Павел Александрович. Кандидат политических наук. Доцент. Доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета. <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Адрес: Белоруссия, 220070, г. Минск, Партизанский проспект, 26. barakhvostov@yandex.by

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 февраля 2025 г. Одобрена после рецензирования: 6 мая 2025 г. Принята к публикации: 31 июля 2025 г. Опубликовано: 1 сентября 2025 г.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Astakhov E.M., Rainkhardt R.O. State Counterfeiting of National Business in Foreign Markets. Moscow, MGIMO-University, 2015 [In Russian].
2. Barakhvostov P.A. Formation and Evolution of Russian Frontiers. Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia&World: Scientific Dialogue]. 2022; 2(2):166–177 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-166-177](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-166-177).
3. Bessonova O.E. Razdatok as Nonmarket System. Izvestiya SO RAN. Seriya: Region: ekonomika i sociologiya [Izvestiya SB RAS. Series: Region: Economics and Sociology]. 1993; 1:29–41 [In Russian].
4. Gulyaeva O.A. Comparative Analysis of the Development of the Institution of Private Property in the Countries of the East and West: The Theory of Institutional Matrices. Vestnik Tul'skogo filiala Finansovogo universiteta [Bulletin of the Tula branch of the Financial University]. 2016; 1:264–272 [In Russian].
5. Druzhinin N.L. Dualism of Japanese Economy and Post-War Keiretsu System. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria. 5 [Bulletin of St. Petersburg University, Series 5]. 2008; 2:34–41 [In Russian].
6. Dugin A.G. Foundations of Geopolitics. Moscow: Arktogetya [Arctogea], 1997 [In Russian].
7. Zamyatina N.Yu. The Development Zone (Frontier) and its Image in American and Russian Cultures. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]. 1998; 2:75–88 [In Russian].

8. Kantur R.A. The Institution of Genro in the System of Government Bodies of Japan During the Meiji Era. Ezhegodnik Yaponiya [Yearbook Japan]. 2015; 44:253–262 [In Russian].
9. Kirdina S.G. Institutional Matrices and Development of Russia. Introduction in X-Y Theory. St. Petersburg: Nestor–Istoria, 2014 [In Russian].
10. Kirdina-Chandler S.G. Western and Non-Western Institutional Models in Time and Space. Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Questions of Theoretical Economics]. 2018; 1(2):73–88 [In Russian]. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2018-00005>.
11. Kozhevnikov V.V. Formation of an Ancient State in Japan. Izvestiya Vostochnogo instituta [Izvestia of the Oriental Institute]. 2017; 4:48–61 [In Russian].
12. Levyash I.Ya. Cultural Alienation and Frontiers: Chasms and Bridges. Dialogue of Cultures in the Era of Global Risks, ed. by A.V.Danilchenko. Minsk: RIVSH, 2016:193–196 [In Russian].
13. 大島真理夫 [] 近代日-現代アジアの経済史像: 西洋モデルの盛衰 近代日-現代アジアの経済史像: 西洋モデルの盛衰. 経済学雑誌 (Mario Oshima Image of the Economic History of Modern Japan and Contemporary Asia: the Rise and Fall of the Western Model. Zhurnal «Ekonomika» [Economics magazine]). 2015; 115(3):85–108 [In Japanese].
14. Meshcheryakov A.N. The History of the Japanese Archipelago as a Socio-Natural and Information Process. Istoriya i sovremennost' [History and modernity]. 2005; 1:56–77 [In Russian].
15. Meshcheryakov A.N. Some Main Features of the Japanese Civilizational and Cultural Model. Izvestiya Vostochnogo instituta [Oriental Institute Journal]. 2005; 9:225–242 [In Russian].
16. Meshcheryakov A.N. Meiji Reforms: The Human Dimension. Ezhegodnik Yaponiya [Yearbook Japan]. 2018; 47:350–366 [In Russian]. <https://doi.org/10.24411/0235-8182-2018-10017>.
17. Montesquieu Ch. On the Spirit of Laws. Geneva, 1748 [In Russian]. Available from: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.Odukhe.pdf>.
18. Polokhalo Yu.N. Meiji Revolution and government reforms in Japan. Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Administrative Consulting]. 2006; 4:195–205 [In Russian].
19. Semenov V.A. Methodology for Analyzing the Decision-making Process in the Political System Using the. CACI. Pravo i politika [Law and politics]. 2023; 8:80–114 [In Russian]. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2023.8.43823>.
20. Spevakovskyi D.V. Samurai are Military Class of Japan. Moscow: Nauka, 1981 [In Russian].
21. Streltsov D.V. Japan: Political Modernization of the Heisei Era. Associaciya issledovatelej rossijskogo obshchestva [Association of Researchers of the Russian Society]. 2013:1–280 [In Russian].
22. 竹内洋君). 日本の経済力の源泉は何でしょうか? 80年代の経済戦争 東京: 大洋: 紀博出版. 1981 (Takeuchi Hiroshi. What is the Source of Japan's Economic Power? Economic Warfare in the 1980s. Tokyo: Taiyo: Kihaku Shuppan), 1981 [In Japanese].
23. Frolova E.L., Takakura Hiroki, Takuda Yukako. A Look at Japan's History from the Perspective of Its Indigenous Peoples: Past and Present. Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of the NSU. Series: History, Philology]. 2010; 9(7):164–169 [In Russian].
24. Chugrov S.V. Rethinking the Dominant Japanese Political Culture. The Japanese Phenomenon through the Eyes of Russian Orientalists / ed. by I.P.Lebedeva, A.N.Meshcheryakov and D.V.Streltsov. Moscow: Aspekt-Press, 2018:57–75 [In Russian].
25. Shevchenko V.N. China's Return to the National Path of Development in the Era of Globalization: Significance and Conclusions for Russia. Vek globalizacii [The Age of Globalization]. 2018; 3(27):106–119 [In Russian]. <https://doi.org/10.30884/vglob/2018.03.10>.
26. Addicott D.A.C. The Rise and Fall of The Zaibatsu: Japan's Industrial and Economic Modernization. Global Tides. 2017; 11(5) [In English]. Available from: <https://digitalcommons.pepperdine.edu/globaltides/vol11/iss1/5>.
27. Ahmad M., Hall S.G. The Growth Effects of Economic and Political Institutions: New Evidence from Spatial Econometrics Analysis Using Historical-Based Institutional Matrix. Economic Change and Restructuring. 2023; 56:749–780 [In English]. <https://doi.org/10.1007/s10644-022-09440-1>.
28. Barakhvostov P.A. Inheritance Rights in the Formation and Evolution of Institutional Matrices. Mir Rossii. 2022; 31(2):163–173 [In English]. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-163-173>.
29. Bednar J. Modeling the Institutional Matrix: Norms, Culture, and Robust Design. A Research Agenda for New Institutional Economics. 2018:162–170 [In English].
30. Chung K.H. Business Groups in Japan and Korea: Theoretical Boundaries and Future Direction. International Journal of Political Economy. 2014; 34(3):67–98 [In English]. <https://doi.org/10.1080/08911916.2004.11042925>.
31. Jerzemowska K.M. Was Tax Optimisation Used in Ancient Japan? Argumenta Oeconomica. 2024; 2 (53):14–31 [In English]. <https://doi.org/10.15611/aoe.2024.2.02>.
32. Lebra T. Japanese Patterns of Behavior. Honolulu: Univ. press of Hawaii, 1976 [In English].
33. Mizumura Naoto. Importance of Circum-Japan Sea Trade Networks in the Transition from the Yayoi Period to the Kofun Period. Japanese Journal of Archaeology. 2015; 3:3–27 [In English].

34. North D.C. Institutions. *Journal of Economic Perspectives*. 1991, 5(1):97–112 [In English].
35. Nowakowski K. The Institutional Matrices Theory as the Basis of Explanation of Real Estate Bubble. *Managerial Economics*. 2013; 14:113–135 [In English]. <http://dx.doi.org/10.7494/manage.2013.14.113>.
36. Price D. Wittfogel's Neglected Hydraulic. *Hydroagricultural Distinction. Journal of Anthropological Research*. 1994; 50(2):187–204 [In English].
37. Semple E.C. Influences of Geographic Environment: on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeography. *Nature*. 2015; 88(101):1911 [In English]. <https://doi.org/10.1177/000271621204100150>.
38. Wittfogel K.A. *Oriental Despotism. Comparative Study of Total Power*. New Haven, London, Yale University Press, 1963 [In English].

About the author

Pavel A. BARAKHVESTOV. CandSc. (Polit.). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Political Science, Belarusian State Economic University, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Address: 26, Partizansky Prospekt, Minsk, 22070, Belarus, barakhvostov@yandex.by

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: February 15, 2025. Approved after review: May 6, 2025. Accepted for publication: July 31, 2025. Published: September 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.